

мира. Тут, как и в ряде других тютчевских текстов, много чувства, масса духовных аллюзий, но нет и намека на политический практицизм. Своей мечтательной искренностью, своим эсхатологическим чаянием поэт напоминал Николая I, который, по другим обстоятельствам, но тоже не раз испытывал свою «чужеродность» в мире бездушных людей и вещей. Однако было и важное расхождение: Император не грезил о Константинополе; ему совершенно была чужда идея «всеславянского царства». После того как прочитал стихотворение Тютчева в журнале «Современник», отчеркнул две последние строки и распорядился: «Подобные фразы не допускать».

В отличие от Тютчева Императора можно с полным правом назвать «творцом истории». Но одновременно, «творя события», Николай Павлович в куда большей степени, чем его замечательный современник, был и заложником истории.

Николай Павлович ощущал как бы двухмерность истории. Одна — текущая, зримая, близкая, проходящая; и другая — великая, высокая, вечная история, начавшаяся с Христа, Священная История. И так получалось, что оба столь разных исторических мира, несопоставимые по значимости восприятий, фокусировались и переплетались в пресловутом «Восточном вопросе».

Борьба России за Восток, в отличие от того, что говорили и писали о Николае Павловиче его многочисленные критики и тогда, и потом, — это совсем не «имперская экспансия», а устремление души убрать мерзость запустения, изгнать богомерзкие дела с тех мест, с тех незабвенных святынь, навсегда озаренных Жизнью Спасителя. В этом чистом хриstopреданном порыве своей души Самодержец на вершине Имперского Олимпа был одинок.

У сановно-чиновничьего Петербурга в данном направлении преобладали другие знаки и ориентиры. По мнению подавляющей части правящей элиты, «Восточный вопрос» — проблема преимущественно геополитическая, это умелое распоряжение тем территориальным наследством, которое останется после гибели «тяжело больного исторического субъекта» — Турции.

Император же Николай Павлович чувствовал и воспринимал эту проблематику иначе, и многие, в том числе, увы, и Тютчев, не разглядели и не поняли его православной искренности. Виделись лишь величественные позы, декларативные фразы и бездушные имперские фасады.

«Ключи Вифлеема», право распоряжения святыней — Храмом Рождества в Вифлееме — послужили не только поводом к началу вой-

ны России и Турции в 1853 году. Метафорически выражаясь, «ключи Вифлеема» являлись и «ключом» понимания Императором Николаем I «Восточного вопроса».

Россия издавна выступала защитником и покровителем православных, но все это долго носило довольно бессистемный характер. В соответствии с договорами с Османской империей: Кайнарджийскому (1774) и Ясскому (1791) — Турция признала право русского правительства покровительствовать христианам. Фактически же дело ограничивалось главным образом различными формами материальной помощи Восточным Патриархатам, обителям на Афоне, на Синае и некоторым другим древним христианским центрам, отдельным христианам и общинам.

Регулярный же и целенаправленный характер русская покровительственная политика начала приобретать с 30-х годов XIX века. В 1833 году между Россией и Турцией был заключен Ункяр-Искелесийский договор о взаимной поддержке друг друга на случай внешних осложнений, в соответствии с которым Россия приобрела заметное влияние в Стамбуле (Константинополе).

Как свидетельствовал впоследствии обер-прокурор (1911—1915) Святейшего Синода В.К. Саблер (1845—1929), тогда перед Россией «открылась возможность достигнуть больших практических результатов в исконном её призвании защиты православных христиан на Востоке от угнетения завоевателей-мусульман и влияний инославной пропаганды».

Начав практически с «чистого листа», России удалось добиться заметных результатов. В начале XX века в Палестине России и Православной Церкви принадлежали храмы, монастыри, подворья, больницы, богадельни. По данным на 1912 год, там существовала 101 русская школа с 10 564 учащимися, а русские больницы ежегодно обслуживали до 60 тысяч пациентов.

При Николае Павловиче связи с церковным Востоком расширяются, углубляются, приобретая системный характер. В России Восточные Патриаршества учреждают Патриаршие подворья, обзаводящиеся собственностью, используемой для решения своих нужд. Появляются постоянные специфические патриаршие «дипломатические миссии»: Иерусалимского Патриархата (1817), Антиохийского (1849), Александрийского (1855). Они функционировали в Москве и ряде других городов.

В этом внимании России к Востоку, в этом стремлении утвердить влияние в ареале турецкого владычества можно различить и признаки